

«Что-нибудь приключенческое?»
«О, нет, нет, я вскрываю психологические пласты.»

Я интересовался: «В какой области?»

Ожидал услышать: в Омской, или в Новосибирской, или, скажем, в Томской, но вдруг слышал уверенное: «В испанской глубинке.»

«Давно вернулись?»

«Откуда?»

«Из Испании.»

«Что я там потерял?»

«Ну, вы же говорите, глубинка... язык... нравы...»

Мы с Людой Белявской, редактором детской литературы, как раз недавно трудились в одной такой милой глубинке (не в Испании, а в Мошково) – на сельхозработках, оттуда и слова – язык... нравы...

«Не будем терять время, прочитаю вам пару глав.»

К счастью, в этот момент (случайно, но всегда вовремя) в кабинет входила Дина Григорьевна, заведующая редакцией художественной литературы. Она слышала наш разговор, потому и включалась немедленно: «Извините, у нас планёрка. Оставьте, пожалуйста, рукопись, ее прочтут.»

Я читал.

Испанская глубинка не трогала.

Но проходило время и появлялся другой автор.

В отличие от спеца по испанской глубинке этот интересовался русской литературой. Он входил в редакцию издательства, как к себе домой. Он широко улыбался. Он снимал пальто в рубчик и разматывал длинный шарф. Размотав шарф, спохватывался: ой, чего это я? Сперва надо расстегнуть пуговицы и снять пальто, а потом уже разматывать шарф, правда?

Я не возражал. Дина Григорьевна с интересом наблюдала.

Вернув шарф на шею, автор снимал, наконец, пальто, и я приступал к допросу.

Проза? Стихи? – нет, нет. Очерки, воспоминания? – нет, нет.

Оказывается, он пришел к нам как мессия. Он спасает русский язык.

«Вот вы, – корил он меня, – наверно не знаете, что медведь – это немецкое слово».

«Ни медведю, ни мне это не мешает», – наивно оправдывался я.

«Но это же наш родной язык! – Мессия уже включил меня в число своих активных сторонников. – И он гибнет от засилья бесчисленных англицизмов. Пора! – с нескрываемым ужасом восклицал он. – Пора очистить родной язык от всего чужого, наносного.»

«Как вы собираетесь это делать?»

Оптимист улыбался. Что тут непонятного?

Прекрасные редакционные будни

Хорошо, когда редактор – женщина. Хорошо, когда редактор – красивая женщина. Трижды хорошо, когда она – умная, воспитанная и деликатная женщина.

Это я о Дине Григорьевне.

Обычно я видел ее в окружении писателей.

Сдержанный Леонид Васильевич Решетников, ироничный Анатолий Васильевич Никульков, часто смущающийся Василий Михайлович Коньяков, волшебник-маг Юрий Михайлович Магалиф, фантаст Михаил Петрович Михеев, и другие-другие со всем разнотравьем – Нелли Закусиной, Николаем Самохиным, Александром Плитченко, Виктором Крещиком, Геннадием Карпуниным, Давидом Константиновским...

Разумеется, и безымянные авторы.

Приходил, например, некто Марк.

Фамилия у него, конечно, была, но ее я не помню.

Появившись в редакции, почему-то присаживался к моему столу.

«Новая вещь?» – спрашивал я.

«Горячая. Прямо со сковороды.»

Потому он и пришел в наше издательство, чтобы использовать возможности всех талантливых современных русских писателей, переводчиков и ученых. Все имеющиеся на сегодняшний день русские литературные работы – от писем диссидента Курбского до рассказов комсомольца Ильи Картушина следует срочно и тщательно перевести на болгарский язык. Именно на болгарский. Панславизм, так сказать. Тогда англицизмы отпадут, чистота восторжествует. Ну а позже с болгарского всё переведем обратно на русский, тогда и случайно уцелевшие англицизмы отпадут, как напившиеся крови клещи. Мы даже Пушкина переведем («как дэнди лондонский одет»), и Трифонова, и Катаева, и Аксенова вместе с Гладилиным (с этими хорошо бы проделать такую операцию не один раз). В итоге, вот и родной язык – кристально чистый.

«А как быть с тюркизмами? – беспокоился я. – Ну избавимся мы от англицизмов, так из болгарского языка тут же переползут в наш русский язык все эти бесчисленные тавана, чорапи, тютюн, пердета, чучулига, маймуна, всё такое прочее, а?».

Оптимист смеялся счастливо. Няма проблем!

Со временем мы (талантливые писатели, ученые, переводчики) болгарские литературные работы тщательно переведем на русский язык, значит, избавим братьев болгар от слов-паразитов.

Вот и праздник.

«Пора отметить.»

«Нет, нет», – отбивался я, провожая гостей.

И в этот момент в кабинете появлялась редактор моей собственной книги – бледная, выжатая НН (имя не назову), прямо из Лито.

«Ген. М., у цензора по рукописи есть вопросы.»

Мы садились за стол и снимали вопросы. Но редактор нервничала. Оставалась всего одна последняя страница, а редактор нервничала. Я уже видел заключительную фразу (повести «Поворот к Раю»): «Он (герой повести) уже не жалел матросов с «Копенгагена», матросы с «Копенгагена» не смогли пересечь пустыню.»

Фраза как фраза, правда, густо подчеркнута красным карандашом.

«Вот эти слова, Ген.М., и требуют снять».

«А что такое заключено в этой фразе?»

Редактор молча смотрела на меня, лицо ее стало бледней бумаги. «Ген.М., вы правда не понимаете?» В глазах стоял ужас.

Потом я спрашивал знакомых и незнакомых писателей, читавших эту мою вещь

еще в рукописи, что такого чрезвычайно ужасного нашел цензор в короткой фразе о неких морях, так несчастливо погибших не в море, а пустыне, и – вот странно! – все они с тем же ужасом спрашивали: «Вы что, правда не понимаете?»

К Дине Григорьевне я с этим вопросом не приставал.

Боялся, что вдруг она (при ее вкусе и такте) ответит так же.

Хотя вряд ли. Многое она видела глубже нас. И понимала точнее.

Вот сидит в редакции Жанна Зырянова и никак не может понять, почему это свою собственную книгу она не может назвать просто «Стихотворения». Никак не доходит до нее, что подобным названием оперировать могут только классики. Кто-то беседует с Толей Шалиным о неопознанных летающих объектах. Другой доказывает правоту своей «странной» прозы Жене Городецкому. Женя, конечно, вежливо внушает: «Читайте Астафьева. Читайте Виктора Петровича. Снимает любой интеллектуальный ступор.» Автор дивится: «А кто?» Женя отвечает холодно: «Писатель земли русской.» А за соседним столом радуется Юлий Моисеевич Мостков: «Нам «Поднятую цепину» разрешили переиздать!» Бесцеремонный Женя удивляется: «Мечтаете перечитать?» Юлий Моисеевич не обижается. Он собирает автографы. «Уважаемый Михаил Александрович! – пишет он письмо Шолохову. – Согласны ли Вы на переиздание Вашего романа?» Уверен, классик подпишет ответ, вот вам и драгоценный автограф.

С невидимого Олимпа взирает на происходящее Дина Григорьевна.

Она по-своему оценивает текущий момент. Она понимает авторов. Она понимает редакторов. Она понимает структуру текущего момента. Она даже знает, что классик согласие на переиздание даст, но Мостков автографа не получит. Классик вернет ему его же письмо Мосткова без каких-либо комментариев, только жирно подчеркнет одно-единственное слово. «Уважаемый Михаил Александрович! Согласны ли Вы на переиздание Вашего романа?»

Согласны.

Почему нет?

«Государыня села в первую карету с придворной дамой постарше, – с удовольствием цитирую я ещё одно переиздание. – В другую карету вспрыгнула Мариорица, окруженная услугами молодых и старых кавалеров. Только что мелькнула ее гомеопатическая ножка, обутая в красный сафьяновый сапожок...»

Гомеопатическая ножка! Я в восторге.

Дина Григорьевна деликатно улыбается.

Мы с таким же удовольствием прислушиваемся и к её беседам с авторами.

Вот Михаил Петрович Михеев жалуется на московского писателя Евгения Рысса, обзававшего его повесть «Тайна белого пятна» дурацкой. Жалуется, вздыхает: «А геологам моя книга нравится». «Вот видите!» – радуется и Дина Григорьевна.

А Михаил Петрович уже переходит на Елизавету Константиновну Стюарт. Прочитав книжку «Лесная мастерская», Стюарт во всеуслышание заявила, что стихи Михеева не являются поэзией и никогда не будут таковой.

«Но ведь были люди, считавшие ваши стихи стихами?»

Михеев кивает. Не без этого. В конце тридцатых он работал монтером в электроцехе в Бийске, и, конечно, писал стихи. «В фабкоме встретились шофер и комсомолка». На свадьбу своего друга даже песню написал. «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов». Городская газета тут же разразилась гневной статьей об ужасном состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине, да и какой может быть дисциплина у наших шоферов, если они поют такие песни?

На другой день утром вызвали Михеева в особый отдел.

Он шел, и у него ноги дрожали. Из особого отдела тогда куда угодно можно было отправиться. Но постучал в дверь. «Вызывали?» За столом – особист в форме. Он долго молча рассматривал будущего замечательного писателя. На столе – тетрадный листок со словами песни.

«Твоя работа?»

Врать смысла не было.

Прокурор все равно добавит.

«Моя...»

«Послушай, Михеев! – вдруг ударил особист кулаком по столу. – Ты же у нас поэт! Мы тебя учиться отправим!»

«Ну, вот видите», – деликатно радуется Дина Григорьевна.

Однажды в мою книжку понадобилось добавить рассказ. Не хватало объема. Я принес такой рассказ и показал Дине Григорьевне. Про сельского селекционера был рассказ. Неприхотливый, но увлекательный. В известные хрущёвские времена, будучи последователем генетика Четверикова, то есть, морганистом-вейсманнистом, герой моего рассказа вывел, подлец, совершенно новый сорт кукурузы. Крепкая, устойчивая, агрессивная. Сама защищалась от колхозников.

Дина Григорьевна необидно, но со знанием, смеялась.

Приезжал из Томска Виктор Колупаев, фантаст. Делился с Диной Григорьевой долгими размышлениями. Я присутствовал при этой беседе, заранее радовался,

что сейчас узнаю что-нибудь новое о фантастике, а Виктор почему-то заговорил о классической музыке.

Дина Григорьевна расцвела.

Виктор рассказал ей о том, что всю жизнь мечтал играть на фортепиано.

В 1963 году его мечта сбылась, даже с избытком. Виктор по случаю купил рояль. Пусть подержанный, но рояль. В тесной двухкомнатной «хрущёвке» – кровать, этажерка, стол, остальное пространство (семья – три человека) заняла покупка. Вместо одной отломленной ножки Витя приспособил березовый чурбан. Понятно, учиться музыке было некогда, Виктор получал удовольствие от самого процесса извлечения звуков.

Дина Григорьевна благодарно и понимающе улыбалась.

Приходил Юрий Михайлович Магалиф. Весело утверждал, что его отец был провизором, зато мать – польской графиней. В другом варианте – мать была наполовину цыганкой. Родился Юрий Михайлович (он на этом настаивал) в день и час, когда в Екатеринбурге расстреливали семью российского императора. Дружил с Марией Николаевной Слободзинской, племянницей писателя Гарина-Михайловского, это дало ему возможность утверждать, что был знаком и с самим писателем. В Ленинграде, в далекие двадцатые годы якобы помогал выгуливать охотничьих собак Сергею Мироновичу Кирову, жили с ним в одном квартале.

Дина Григорьевна всегда доброжелательно кивала.

Понимала, что настоящему писателю необходимо внимание.

В конце семидесятых, в начале восьмидесятых я часто уезжал в Дурмень.

Этот такой Дом творчества под Ташкентом. Там я писал своего «Секретного дьяка», гулял по саду с женой. Жабы в бассейне развратно выворачивали зеленые лапы. Со снежных гор срывался горячий ветер. Несло древесным дымом, ароматами шашлыков, над мясной лавкой болтались сухие бычьи пузыри, сидел на табурте с мухобойкой в руках усатый продавец, гигантская чинара густо источала тепло. Поэт Абдула-ака неспешно рассказывал о вечности. «К нам зоопарк приезжал. Бегемот был. Крупный, как мама нашего председателя, был. Ну, а то, что ему гранату прямо в рот бросили, так это случайно.»

Возвращаясь, рассказывал о слышанном-виденном Дине Григорьевне

Вот вечер, арык, жабы воркуют. Редакция, как всегда, полна. Надеющиеся писатели, отчаявшиеся редакторы. Люда Белявская, своенравная, сама по себе, колдует над рукописью. Виталий Жигалкин обдумывает производственный роман.

Юлий Моисеевич охотится за автографами. Женя Городецкий и Таня Набатникова спорят о тяжелой доле писателя земли русской. Шалин уже сам втюхивает автору что-то о неопознанных летающих (и ныряющих) объектах. Илья Картушин (не первый год) решает проблему, не сделать ли ему нынешнее редакторство профессией на всю жизнь.

Все думают – жизнь идёт, а она уже проходит.

Но ведь если твой редактор (да еще и зав отделом) – женщина, к тому же красивая, к тому же умная, да ещё меру знает, и вкус у неё на высоте, что остается писателю, имеющему с нею дело?

Писать лучше.

Что ещё?

Геннадий Прашкевич